

■ Александр Доманин

Крестовые походы

ПОД СЕНЬЮ
КРЕСТА

Александр Анатольевич Доманин

Крестовые походы.

Под сенью креста

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=590065

А.Доманин. Крестовые походы. Под сенью креста: Центрполиграф;

Москва; 2010

ISBN 978-5-9524-4536-9

Аннотация

Настоящая книга обращается к одной из наиболее ярких страниц Средневековья – крестовым походам в Святую землю. Это время, когда героизм и благородство соседствовали с небывалой жестокостью и коварством, когда две великие цивилизации сошлись в священной войне не на жизнь, а на смерть. Книга предназначена для широкого круга читателей, интересующихся историей, а также может быть использована как источник дополнительного материала при изучении истории Средних веков.

Содержание

От автора	4
Глава 1	6
Глава 2	27
Глава 3	53
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Александр Доманин

Крестовые походы.

Под сенью креста

От автора

Эта книга посвящена одной из интереснейших эпох мировой истории – временам крестовых походов в Святую Землю. В последнее время тема эта вызывает неизменный интерес читателей: выходят книги и фильмы, посвященные крестоносцам, в некотором смысле можно говорить даже о моде на Средневековье. Но актуальность проблемы имеет не только положительную сторону. Появилось много произведений, в которых крестоносное движение трактуется односторонне, а в некоторых присутствует большой налет мистицизма; другие сплошь и рядом заполнены фактическими ошибками. Крестоносцев хотят показать не такими, какими они были, а такими, какими они представляются тому или иному автору. Отсюда – чрезвычайный разброс мнений о «Христовых воинах» – от кровожадных монстров, интересующихся только наживой, до рыцарей без страха и упрека в белоснежных одеждах Добра.

Я постарался представить максимально взвешенный, на-

сколько это в моих силах, взгляд на крестоносное движение. Книга опирается на строго реальные факты истории, и лишь там, где исторические источники не дают однозначного ответа, я позволил себе предложить читателю собственную версию событий. Но и в этих версиях – например, об основании тамплиерского ордена или византийском влиянии на клермонскую проповедь, я старался придерживаться общей исторической линии и учитывать все известные факты. Вам судить, насколько мне это удалось.

Во время работы над книгой мне помогали многие люди, за что им огромное спасибо. Особо я хотел бы отметить Вадима Флягина и Григория Дубину, оказавших мне неоценимую техническую поддержку; Анну Хазину, предоставившую великолепный материал для иллюстраций, и Андрея Кикеева, взявшего на себя неблагодарный труд быть первым редактором еще сырого произведения. Но особую благодарность я хотел бы выразить моей жене Светлане, которая была и моим редактором, и машинисткой, и консультантом, а, честно говоря, настоящим ангелом-хранителем книги. Без нее этот труд просто никогда не был бы написан.

Александр Доманин.

Глава 1

Западная Европа на рубеже тысячелетий

Палестина, 15 июля 1099 года. Тяжкий, свирепо жаркий день самой середины лета. День поистине судьбоносный для мировой истории. День триумфа христианского Запада, день скорби мусульманского Востока. День взятия Иерусалима крестоносцами...

Эффект этого события был огромен. Не зря в Европе взятие Иерусалима было воспринято как чудо. Воинство ислама, почти пять столетий непрерывно теснившее христианский мир, не просто потерпело поражение. Удар крестоносной европейской рати был нанесен в самое сердце мусульманских владений. Под натиском христиан пал не город – сколько таких городов переходило из рук в руки за долгие века противостояния – пала одна из трех величайших святынь ислама. Это было тем более непостижимо для современников, что в последние десятилетия, после долгого относительного затишья, мир ислама вновь перешел в наступление. Разве витязи мусульманских эмиров не мыли больше своих коней на крайнем западе Ойкумены, у Геркулесовых Столпов? Разве свирепые сельджукские воины, пришедшие

из глубин Азии и влившие свежую кровь в великий джихад¹, не смотрели всего десять лет назад на стены святого Константинова града, предвкушая скорый победный пир в императорской Галате? Казалось, вот еще одно, последнее титаническое усилие, и зеленое знамя пророка вознесется над святой Софией, а там и над Вечным Городом – цитаделью христианства. И тем сильнее был шок от случившегося 15 июля 1099 года.

Чтобы понять причины этого события, которое христиане Европы объясняли не иначе как промыслом Божиим и великим чудом, а мусульмане – карой Аллаха за грехи, нужно более глубоко всмотреться в ту эпоху. XI век не зря считается переломным в истории Европы, концом долгих Темных веков, рассветной порой цивилизации средневекового Запада. И нам, живущим на рубеже второго и третьего тысячелетий, пожалуй, стоит пристальней взглянуть на мир, отделенный от нас десятью веками.

1000-й год от Рождества Христова действительно был великой вехой в истории западной цивилизации; причем корни этого лежат не в каких-либо политических событиях или технологических достижениях, а в самой толще общественной психологии того времени. Сегодняшнему читателю, живущему в многообразном и стремительно меняющемся мире, мире десятков равноправных религиозных систем, мире грандиозных информационных потоков и Интернета, доста-

¹ О сущности джихада и его принципах подробнее см. в главе 14.

точно сложно понять мышление тогдашнего жителя Европы. Безраздельное господство христианской идеологии, помноженное на чрезвычайную суеверность всех и каждого, от короля до последнего простолюдина, создало уникальное явление, аналогов которому, кажется, нет в мировой истории. 99% западноевропейцев, и в том числе подавляющее большинство католического духовенства, было убеждено, что 1000-й год станет Последним годом, годом конца света, Страшного Суда и Второго Пришествия Христа.

Вера в близкий конец света, действительно, была почти всеобщей. Лишь немногие образованные монахи и церковные иерархи, ссылаясь на авторитет Писания, утверждающий, что дата Второго Пришествия скрыта от людей, пытались протестовать против этих взглядов, но им не слишком-то верили. Именно поэтому эсхатологические² ожидания очень сильно отражались на всех явлениях тогдашней жизни. Люди массами шли в монастыри, отказываясь от мирской жизни и замаливая в преддверии Страшного Суда действительные или мнимые грехи. Кое-где даже прекращали обрабатывать землю и уходили нищенствовать. Развелось несметное количество юродивых и блаженных, призывающих к всеобщему покаянию перед гибелью мира. Взрыв эсхатологических представлений был настолько силен, что почти парализовал и без того малоразвитые хозяйственные связи, тем самым спровоцировав голод во многих мест-

² Эсхатология – учение о Конце Света.

ностях, что, в свою очередь, еще более усугубило ожидание чего-то невероятно страшного. Гробовщики не успевали справляться с посыпавшимися на них заказами (поистине, «кому война, а кому мать родна»), и известно немало случаев, когда люди заранее ложились в гроб, отказываясь от пищи телесной в ожидании конца света. И многие умерли, но так и не дождались...

Демографическая ситуация к концу X века была ужасающей. Рождаемость стремительно падала, многие женщины любой ценой старались избежать рождения детей, чтобы не обрекать их неминуемой скорой гибели и предшествующим ей страданиям. Монашеские обеты, принимаемые в это время тысячами, тоже отнюдь не оздоравливали ситуацию. Практически замерло какое-либо другое строительство, кроме монастырского, но уж зато сами монастыри росли, как грибы. Европа замерла в ожидании 25 декабря 1000 года.

И вот наступил, а в положенный срок прошел этот, ничем в других отношениях не примечательный, зимний день. И... ничего не случилось. Господь, услышав молитвы своей паствы, решил перенести конец света на более поздний срок. И когда осознание этого пришло к людям, вслед за понятной волной небывалой радости явилось понимание простой вещи – надо жить дальше. Рожать и кормить детей, строить дома и мельницы, кому-то обрабатывать землю, а кому-то – охотиться и воевать. Все вроде бы вернулось на круги своя, но это было и так, и не так.

Сама историческая ситуация в Европе в течение X века кардинально изменилась. Это столетие практически подвело черту под тем, что принято называть Великим переселением народов. Безжалостные норманны, терроризировавшие всю Европу в IX веке (именно тогда в текст ежедневной молитвы «Отче наш» стали добавлять слова «...и избави нас от ярости норманнов»), вполне остепенились, превратившись в нормандских рыцарей, вассалов французской короны. Нашествие венгров, последнее крупное событие Великого переселения народов, было остановлено в 955 году на реке Лех, где тяжеловооруженные рыцари Оттона I наголову разгромили легкую венгерскую конницу. А как раз в памятном 1000-м году мадьярский племенной вождь Иштван (Стефан) провозгласил себя королем венгров, приняв корону от римского папы, и тем самым включил Венгрию в состав обычных европейских государств.

К концу X века окончательно рухнула идея каролингской всеевропейской монархии, и началось оформление национальных государств. В 962 году упомянутый Оттон I, в торжественной обстановке папского римского дворца, был провозглашен императором Священной Римской империи. Современники Оттона I видели в этой церемонии только обновление давней франкской традиции, но вскоре коронация 962 года стала представляться неким рубежом; именно с этого года принято отсчитывать историю новой, уже германской, империи. Через двадцать пять лет прервалась и линия запад-

ных Каролингов, новым королем Западно-Франкского государства стал представитель местной феодальной знати Гуго Капет, а само это государство все чаще стали называть просто Францией.

Тем самым 1000-й год стал некой границей. После штормов и ураганов Великого переселения народов река европейской истории стала входить в более спокойные берега. Заканчивалась эпоха почти непрерывных войн, отражений набегов варварских племен, когда никто не мог чувствовать себя защищенным. Наконец был разорван круг смерти и разрушения, когда одни народы-завоеватели сменялись другими; готы – гуннами, гунны – аварами, авары – норманнами, норманны – мадьярами. Впервые простой народ мог вздохнуть спокойно, и для него это, конечно, было огромным благом. Но та же, уже уходящая в небытие, эпоха сформировала и другой класс людей, для которых это благо было далеко не столь очевидным. Мы говорим о рыцарстве.

Тяжеловооруженный всадник

Единственным занятием, достойным рыцаря, была война. И в Темные века³, когда войны и набеги сменяли друг друга с калейдоскопической быстротой, существование рыцарского сословия было не просто оправданным, оно было необходимым. Защита своей земли, своих крестьян была вопросом выживания народа, и рыцари-воины с достоинством несли свой крест. Все более мощным становилось их вооружение, все более отточенными – боевые приемы. Война и подготовка к ней стали для рыцаря уже не занятием – они стали образом жизни. Но вот прекратились набеги, уgomонились нор-

³ Темные века – условное название, данное историками периоду с VI по X век (иногда ограничивают VI – VIII веками).

манны и венгры, уже не надо было никого защищать. И что теперь делать бедному рыцарству? Охотиться? Но охота – это лишь развлечение, и перед европейским рыцарством в XI веке вплотную встала проблема – ему надо было оправдать свое собственное существование.

Вопрос этот усугублялся еще и тем, что после 1000-го года ряды рыцарства стали быстро расти. В самом деле, раз меньше стало войн, значит, стало и меньше гибнуть воинов. А сыновья рыцарей должны быть только рыцарями – это воинским сословием было впитано с молоком матери. Но на всех рыцарей уже не хватало ни земель, ни крестьян. Появляется и растет большая масса людей, у которых нет за душой ничего, кроме боевого коня, доспехов, оружия и умения воевать. Именно это время подарило нам такие рыцарские прозвища, как Робер Неимуций или Вальтер Голяк. А сколько таких Голяков бродило по дорогам Европы? И с этим надо было что-то делать.

Феодальное сословие нашло пусть не самое удачное и всеобъемлющее, но собственное решение этой проблемы – турниры и междоусобные войны. С этого времени начинается расцвет рыцарских турниров – необычного спортивного состязания, в котором легко было потерять не только коня и доспехи, но и самую жизнь. Нечто похожее уже было – гладиаторские бои в древнем Риме – но в рыцарских турнирах было и серьезнейшее отличие: все бойцы принимали участие в турнире абсолютно добровольно и даже с большой охотой.

И турниры частично выполняли возложенные на них обязанности – и дать занятие рыцарству, и по возможности поубавить его. Уменьшала число рыцарей не столько смерть на ристалище – такие случаи были все же не так часты – сколько обычай, по которому побежденный отдавал победителю своего коня и доспехи. Хорошо, если у проигравшего были средства заплатить выкуп или приобрести новое вооружение. А если нет? Ведь один рыцарский конь стоил зачастую дороже, чем стадо в сотню коров, недешевы были и доспехи. И потому многие неимущие рыцари, потеряв все, вынуждены были расставаться с рыцарским званием и переходить в разряд оруженосцев или слуг. Жесткие турнирные принципы – проигравший выбывает – одновременно работали и на качественное улучшение рыцарского сословия. Более сильные воины приобретали здесь и дополнительный боевой опыт и, часто, лучшее вооружение; потерпевшие поражение нередко покидали ряды рыцарства, освобождая дорогу более умелым и сильным. Этакая теория естественного отбора, с блеском применяемая на практике.

Конный рыцарь с мечом

Вторым способом направить деятельность рыцарей в привычное для них русло стали в XI веке междоусобные войны. Их нельзя назвать изобретением того времени – споры между соседями за богатство, землю и т. п. стары, как старое само чувство зависти к ближнему. Междоусобные склоки и свары были и в раннем средневековье, но тогда они носили не столь всеобъемлющий и, скорее, эпизодический характер. Постоянная внешняя угроза со стороны тех же норманнов или кочевников требовала не споров с соседями, а, наоборот, единства перед лицом общего врага. Но вот исчез этот внешний враг, рассыпалось бывшее единение, и у каждого из феодалов, от крупнейших землевладельцев до мел-

копоместных рыцарей, засвербил в душе червячок зависти. Вот, мол, у соседа и скот упитаннее, и земля тучнее, и ест он из серебряных блюд. А за какие, спрашивается, заслуги? Рассуждения таких феодалов можно и продолжать, но есть ли в этом необходимость? Человеку, увы, свойственно и переоценивать собственные заслуги, и недооценивать достижения других. На все это часто накладывались действительные или мнимые обиды (порой припоминалась и пощечина, нанесенная прадедом одного соседа прадеду другого), и вот уже трубят трубы, грохочут копыта закованных в железо коней: граф, барон, рыцарь такой-то мчится устанавливать новую справедливость. А после насаждения такой «справедливости» уже сосед, в свою очередь, затаивает злобу и стремится к мести. Замкнутый круг налицо, и война (а, значит, и занятие для рыцарства) обеспечена надолго.

Усилению междоусобных войн немало способствовала и слабость центральной власти в большинстве европейских государств, падение королевского и императорского престижа. Да и сами короли, сохранив номинально верховный сюзеренитет⁴, превратились, по существу, в таких же феодалов, сплошь и рядом с такими же замашками. Так сочетание сразу нескольких обстоятельств привело к тому, что междоусобицы стали явлением обыденным и практически повсемест-

⁴ Сюзеренитет – юридическое понятие, обозначающее более высокий уровень властных полномочий. Например, граф – сюзерен рыцаря, король – сюзерен графа; над королем сюзерена нет, он – вершина феодальной иерархии.

НЫМ.

Но здесь надо отметить, что междоусобные войны XI века значительно отличались от войн предыдущей эпохи. Войны против норманнов или венгров велись за сохранение собственного существования и были, фактически, войнами на уничтожение: «или мы их, или они нас». Соответствующей была и мораль рыцарей того времени, прямая и строгая: «убей врага, защити себя и ближних своих». Новые войны исповедовали другие принципы – принизить ближнего, обогатить себя. Смерть врага на поле боя перестала быть целью; больше того, она стала скорее случайным явлением. Стремлением баронов и рыцарей стало не убить соперника, а захватить его в плен и затем получить хороший выкуп. Во главу угла начала ставиться уже не победа как таковая, а личное обогащение за счет конкурента. Под стать этому, стала меняться и рыцарская мораль, и, пожалуй, как раз XI век с его междоусобицами и породил то, что мы сейчас называем рыцарским этикетом и куртуазностью. Даже пресловутые рыцарская честь и рыцарское слово, похоже, берут свое начало именно отсюда.

В самом деле, в непрерывных междоусобицах всех против всех никто не застрахован от встречи с более сильным противником. Даже если ты сильнее всех в округе, всегда можно натолкнуться на объединенные силы нескольких соперников, соединившихся на время, чтобы обогатиться за твой счет. А это значит, что, если ты будешь плохо обходить-

ся с побежденным противником, в следующий раз, может быть, плохо будет уже тебе самому. Нарушишь слово, не отпустишь пленника за назначенный выкуп, и вскоре тебе, возможно, придется платить втрое. Вежливое отношение к сопернику из своего сословия, верность данному слову были, таким образом, одним из способов обеспечить и собственную относительную безопасность в этом непостоянном мире. А в дальнейшем эти основные принципы развились в рыцарский кодекс чести. Защита слабого – это еще из тех, норманнских и более ранних времен; вежливость (порой до идиотизма – прочитайте, скажем, «Смерть Артура» Т. Мэллори и поймете, о чем идет речь – отчего, кстати, иногда возникает ощущение неестественности происходящего, какой-то игры) и верность данному слову или обету – это веяния уже нового века, века после конца света, который не наступил.

Турниры и междоусобные войны, в общем, неплохо выполняли свои основные функции: дать занятие военному сословию, при этом еще и усилив его боеспособность, и не позволить слишком уж разрастись рыцарскому классу – классу, заметим, производящему, висящему камнем на шее у производительных сил общества. Однако, идеологическая база, оправдывающая такого рода занятия, была довольно-таки шаткой, с некой червоточинкой, что, кстати, хорошо понимали и некоторые умные люди того времени. Но немало важно, что ущербность этой новой жизненной философии понимал, пусть и неосознанно, и простой народ, и даже сами

феодалы.

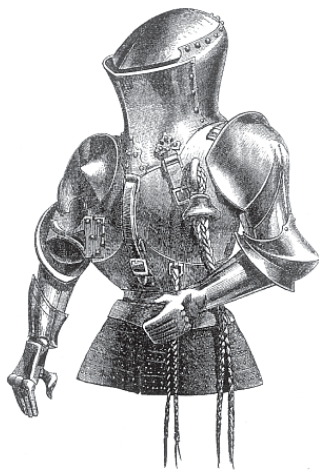
И впрямь, даже необразованный крестьянин мог теперь задуматься: а от кого же обороняют меня наши доблестные защитники-рыцари сейчас, когда нет ни норманнов, ни венгров, ни какой-то другой внешней угрозы? Получается, что от самих себя – точнее, от таких же, как они. Ну, а от таких крестьянских мыслей всего один шаг до вывода: «так если этих рыцарей-воjak разогнать – и войн не будет, и разорения, и работать я буду не на них и на барона из замка, а на самого себя». И очень опасны были для феодалов такие мысли, нет-нет, да и возникающие в крестьянских головах! Былое единство войска и народа (народа, к тому же жестоко угнетаемого этим самым войском) начало давать серьезную трещину. Требовалась новая объединительная идея, надо было создать нового общего врага, чтобы оправдать перед людьми само существование феодального класса. Давление пара в котле, называемом «простой народ», нельзя было повышать до бесконечности.

И здесь, наверное, самое время рассказать, в каком же положении находился этот пресловутый «простой народ» после неожиданного для многих, но такого удачного разрешения «проблемы-1000». А если выражаться языком науки, – в каком состоянии находились производительные силы западноевропейского общества после 1000-го года.

Ранее уже говорилось, что к началу XI века экономика Европы представляла собой довольно удручающее зрели-

ще. Налицо было полное господство натурального хозяйства, когда все необходимое для жизни производилось в рамках небольшой хозяйственной общины и здесь же, на месте, потреблялось. Технические и производственные достижения античности были забыты или почти не использовались. Пожалуй, только в вооружении, предмете абсолютно необходимом для того времени, был замечен некоторый прогресс. Длинный рыцарский меч из довольно качественной стали, кольчужный доспех, закрывающий все тело воина, стремяна и железные подковы для боевых коней – вот основные достижения в военном деле по сравнению с античной эпохой. Ну, а в других отраслях хозяйства дела обстояли значительно хуже.

Достаточно развитая система товарно-денежных отношений, построенная в эпоху античности, за время Темных веков была полностью разрушена. Деньги практически вышли из употребления; при необходимости приобрести какие-либо вещи применялся простой товарный обмен, выражаясь современным языком – бартер. Даже налоги и поборы собирались почти исключительно в натуральном виде. В XI веке ситуация стала меняться, хотя и не очень быстро.

Рыцарский доспех

В изменении экономического положения огромную роль сыграл уже известный нам психологический момент, связанный с ожиданием несостоявшегося конца света. Когда схлынула первая волна восторгов по поводу Божьего разрешения жить дальше, стало ясно, что существовать так, как раньше, хотят далеко не все. Людям, психологически освободившимся от висящего над ними дамоклова меча близкой смерти, захотелось жить лучше и веселее, причем это коснулось всех классов общества. Вдруг появилась настоятельная необходимость в новых (и красивых) одеждах, возникло стремление к вкусной еде, приносящей радость, а не просто удовлетворяющей чувство голода. Влечение к лучшей жизни для себя

и своих детей стало стимулом к развитию производительных сил общества.

Даже в архаическом и консервативном земледелии с этого времени все более заметны перемены. Началось улучшение сельскохозяйственных орудий. На смену полностью деревянной сохе пришли сохи с железным сошником и плуги со стальными лемехами. В XI веке широчайшее распространение получает хомут, пришедший в Европу, вероятно, вместе с повозками кочевников-мадьяр. Применение хомута вызвало настоящую революцию в экономике того времени. Во-первых, хомут позволял использовать лошадей как тягловую силу в сельском хозяйстве, что дало возможность сразу в несколько раз увеличить производительность труда при вспашке – самой трудоемкой из сельскохозяйственных работ. Во-вторых, это нехитрое приспособление позволило присоединить к лошади телегу, как, впрочем, и любое другое транспортное средство. До этого при быстром передвижении практиковалась почти исключительно езда верхом. Новый транспорт сразу показал свои преимущества – большую грузоподъемность, при возможности весьма дальних переездов, до пятидесяти километров в день. Значение этого трудно переоценить: ведь теперь любой крестьянин, вообще любой житель мог вывезти продукт своего труда, произведенный сверх необходимого ему самому, на продажу. А это, в свою очередь, побуждало к потребности производить больше товаров. Немного утрируя, можно сказать, что хомут стал

отцом торговли и товарного рынка и матерью ремесел.

Применение гужевого транспорта дало толчок развитию торговли. А логика торговых отношений вела к тому, что появилась необходимость скопления товаров в одном месте. Так начали образовываться рынки. Возникали они, как правило, в деревнях, являющихся центром округа, на берегах рек или пересечении дорог, часто возле феодальных замков и старинных римских крепостей. А рынку, где скапливались немалые для того времени ценности, требовалась и дополнительная защита, так что вокруг этих небольших торговых центров вырастал частокол, а самые важные из них окружались стенами.

Такие торговые поселения оказались очень привлекательными для тех, кто мог производить качественные и пользующиеся спросом товары: сельскохозяйственные орудия и упряжь, ткани и оружие. А перебравшись сюда на жительство, новые поселенцы постепенно стали заниматься только производством товаров на продажу, благо любой необходимый для дома и семьи продукт можно было купить или обменять здесь же на месте. Именно эти жители, называемые теперь ремесленниками, и составляли вместе с торговым людом – купцами, лавочниками, менялами – население новых рыночных центров – городов.

Шлем рыцаря

Возникновение городов, рост товарного производства и торговли подтолкнули и техническую мысль того времени. С XI века в Европе появляется и получает хождение хорошо известное нам слово «инженер». Тогда оно, правда, означало не совсем то, что сейчас. Происходит оно от латинского слова, означающего врожденные способности, и, соответственно, им стали называть изобретательных, талантливых и просто умных людей. Такие «инженеры» ездили по городам и весям Европы и внедряли разнообразные технические новшества. Часто это были вовсе и не новшества, а просто забытые достижения античности – водяное колесо и водяная мельница, строительные приспособления с блоками и шкивами. Большой заслугой средневековых инженеров бы-

ло изобретение шахтных печей в металлургии, позволивших значительно повысить количество и качество выпускаемого железа. Но, пожалуй, крупнейшим триумфом технологии XI века было изобретение и повсеместное внедрение горизонтального ткацкого станка с непрерывным циклом работы. По производительности этот станок в несколько раз превосходил старый вертикальный, и его применение сделало текстильную отрасль самой динамично развивающейся в тогдашней Европе.

Успехи товарного производства, некоторое улучшение качества жизни (которое, впрочем, не следует переоценивать), прекращение крупных взаимоистребительных войн заметно отразились и на демографической ситуации в западноевропейских странах. После нескольких столетий демографического спада, когда население не только не росло, но и постепенно сокращалось, в XI веке Европу ожидал настоящий демографический взрыв. За неполных сто лет, от 1000-го года до начала первого крестового похода, население европейских государств выросло, по разным оценкам, на 30-40% и к 1095 году достигло, по-видимому, тридцати пяти миллионов человек.

Следует, однако, сказать, что такой бурный рост численности жителей был для Европы не только благом. Ограниченная площадь пахотных земель, к тому же искусственно сдерживаемая жестокими законами об охоте, плодила все возрастающую армию крестьян, лишенных земли, а следова-

тельно, и средств к существованию. И вот так, на фоне общего роста благосостояния (весьма, правда, относительно) появляются сотни тысяч, если не миллионы людей, либо прозябающих на положении бедных родственников, либо вынужденных идти в пожизненную кабалу к феодалу, либо просто уходящих нищенствовать по деревням и у ворот монастырей. В сами монастыри вход им был заказан, ибо поступление в монахи требовало немалого вступительного взноса. В конце концов, эта армия голодных оборванцев начала пугать даже всемогущую католическую церковь. Чтобы не допустить социального взрыва, угрожавшего и спокойной монастырской жизни, и замкам феодалов, нужно было предпринимать какие-то кардинальные действия. Именно это и стало в XI веке главной задачей католической церкви, по самой своей природе занимающей положение между народом и властью.

Глава 2

Католическая церковь и папство в X – XI веках

Серьезные изменения, происходившие в средневековом европейском обществе XI в., не обошли стороной и еще одну могучую силу того времени – христианскую церковь. XI век стал веком великой реформы церкви, временем, заложившим основы ее почти безграничной власти – если не над телами, то над душами европейцев. Но этот век был и веком Великого раскола единой Вселенской (т. е. всемирной) церкви – окончательного разделения восточной и западной ветвей христианства. Таким образом, это столетие было для церкви во всех отношениях определяющим. Но прежде чем рассматривать те перемены, которые навсегда изменили лицо церкви, взглянем на то, что же представляла собой христианская церковь к уже известному нам рубежу – 1000-му году от Рождества Христова.

Надо признать, что ее положение в этот период никак нельзя было назвать блестящим. Бури, сотрясавшие Европу в предшествующую эпоху, не могли не отразиться и на состоянии церкви. Сильнейший удар по ней, как действительно вселенскому установлению, нанес распад империи Карла Великого – наследницы славы Римской империи. К концу IX

века этот распад стал окончательно свершившимся фактом. А вместе с Империей рухнуло и то, что складывалось веками – единая имперская церковь – особый общественный институт, этакий симбиоз светской и духовной власти, который начал складываться еще при Константине Великом. Именно в это время западная церковь (в восточном христианстве происходили свои серьезные события, но о них сейчас речь не идет) вступает в период, который позже называли «темным столетием».

Глубокому упадку, поразившему церковь, в немалой степени способствовали и разрушительные набеги норманнов, арабов и венгров. Разрушение храмов, массовая гибель паствы и клира⁵, неспособность церковных деятелей противопоставить что-либо этим смертоносным нашествиям – все это вызывало в обществе глубокое разочарование и в христианских идеалах, и в самой миссии церкви как общественного установления.

Наиболее острые формы кризис церковной жизни принял в Западно-Франкском королевстве, Лотарингии и Италии. Повсеместной стала торговля духовными должностями – епископов, аббатов и т. д. Купивший должность светский феодал или простой мирянин открывал себе путь к обогащению за счет паствы, получению обширных земельных владений и значительных властных полномочий. Такую практи-

⁵ Клер – священнослужители, монахи, епископы, т. е. общее название лиц духовного звания.

ку в церковной жизни именовали «симонией» – по имени известного евангельского персонажа Симона Волхва, пытавшегося купить у апостолов «дары Святого Духа». Конечно, вчерашние миряне, в одночасье ставшие церковными иерархами, далеко не всегда стремились соблюдать установленные церковью законы и обычаи. Так, почти повсеместно нарушался celibat – традиция, запрещавшая священнослужителям заводить семью. Вообще, рост влияния мирян в церкви привел к значительной порче нравов духовенства и монашества, к обмирщению церкви: и клирики, и даже монахи подражали в быту светским феодалам, женились или заводили любовниц, передавали по наследству своим детям церковное и монастырское имущество. Можно себе представить, какой авторитет у паствы имели такие, с позволения сказать, «духовные отцы».

Распад имперской церкви очень сильно отразился и на положении «викариев Святого Петра» – римских первосвященников. Резкое усиление центробежных тенденций в осколках империи Карла Великого привело к тому, что реальная власть сосредоточилась в руках могущественных феодальных кланов. К концу IX века и папство оказалось под контролем местной римской аристократии и итальянских магнатов. С этого времени папская тиара быстро переходила от одного папы к другому, смотря по тому, какая из аристократических клик оказывалась на данный момент сильнее. Достаточно сказать, что от Марина I до Марина II с 882 до

942 гг., то есть всего за шестьдесят лет на папском престоле попеременно восседало целых двадцать первосвященников – уникальный случай в долгой истории папства. И многие из этих «наместников Христа на земле» покинули грешную земную юдоль не без помощи некоторых особо заинтересованных сторон.

Благословение. Гравюра Г. Доре

Таким образом, в X веке католическая церковь оказалась в крайне тяжелой ситуации. Симония, обмирщение церкви, упавший практически до нуля авторитет папства, наконец, почти полное подчинение священнослужителей мест-

ным феодалам – так называемый институт «частной церкви» – могло показаться, что христианская церковь стоит на пороге гибели. Но именно в это время в недрах католичества появились силы, сумевшие противостоять этому всеобщему гниению и распаду. Этой силой стали монастыри.

Стоит сказать, что монастыри вовсе не были изобретением X века. История монашества как особой формы служения Богу к тому времени насчитывала немало столетий. Первые монахи (кстати, само слово происходит от греческого *monachos* – отшельник) появились в Египте и Палестине еще в III веке. Во второй половине IV века эта форма христианского аскетизма появляется и в Западной Европе: святой Мартин Турский, получивший позднее почетное прозвище «отец монашества», основывает на территории Аквитании несколько монастырей. В то время они представляли собой, скорее, колонии отшельников, нежели то, что в более поздние эпохи называлось «монашеским братством». Регламентация монашеской жизни и появление самого раннего монастырского устава связаны с именем другого католического святого – Бенедикта Нурсийского, основавшего в 530 году в горах близ Неаполя первый бенедиктинский монастырь Монте-Кассино.

На устав монастырской жизни, предложенный св. Бенедиктом, стоит взглянуть более пристально: ведь многие его положения сохраняли свою силу и в более поздние времена – вплоть до наших дней.

Бенедикт определял монастырь как школу служения Господу, где основой жизни монахов должно быть безграничное послушание учителю – аббату, настоятелю монастыря. С послушания начинается воспитание смирения, с точки зрения св. Бенедикта – кратчайшего пути к Богу. Отсюда – строжайшая дисциплина, неусыпный контроль, развитая система наказаний. Придя в монастырь, неофит⁶ отрекается от мира, отвергает его искушения и богатства, ворота обители навсегда закрываются за ним, отрезая от прошлой жизни. Но, между прочим, отказываясь от богатства, поступающий в монахи должен был внести в кассу монастыря очень серьезный денежный взнос. Впоследствии, именно эта система крупных взносов во многом нарушила первоначальные планы основоположников монашества: располагая огромными денежными средствами, бенедиктинские монастыри начали покупать земли и крестьян; физический труд, который св. Бенедикт считал для монахов обязательным, был переложен на плечи мирских работников, а монашество все больше погрязало в праздности. Настоятели монастырей понемногу начали превращаться в таких же феодалов, как владельцы соседних замков; таким образом, всеобщее обмирщение коснулось в X веке и монастырских стен.

⁶ Неофит – лицо, только что принявшее монашеские обеты. Термин применяется также и к людям, сменившим старую веру на новую.

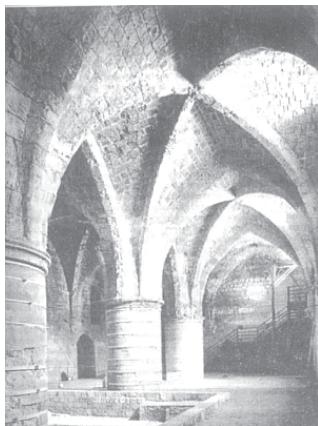
Собор в Фамагусте. Кипр

Подобное положение дел не устраивало многих представителей монашества – в конце концов, большинство монахов было неподдельно предано подлинным Христовым заповедям. Даже сам уход от мира часто был в ту эпоху протестом против обмирщения Церкви, против греховной светской жизни. Поэтому духовное перерождение бенедиктинского монашества вызывало у значительной части искренних последователей первоначальной чистоты христианства недовольство сложившейся в монастырях обстановкой. Эти-то новые веяния в монашеской среде и дали в X веке толчок особому феномену в истории монашества – клунийскому движению, сыгравшему вскоре немалую роль в оздоровлении церкви.

Первый (и главный) монастырь нового типа был основан в 910 году в Бургундии, около местечка Ключни. В отличие от других многочисленных аббатств, Ключнийский монастырь с самого начала оказался вне сферы действия «права частной церкви» и вообще был свободен от каких бы то ни было светских властей. Его основатель, герцог Аквитанский, на вечные времена отказался от всяких прав на монастырь и передал его под покровительство папы римского. Эта юридическая формулировка освобождала Ключни в том числе и от власти местного епископа и делала его, в условиях слабости папства, фактически ни от кого не зависимым. И такое освобождение монашества от любого влияния извне, будь то епископ или светский сеньор, стало одной из основ ключнийской программы реформ.

В первую очередь, ключнийцы направили свои усилия на устранение очевидных нарушений бенедиктинского устава, вызванных обмирщением монастырей. Основной задачей монашества стала молитва за мирян перед Богом, что, в преддверии ожидаемого почти всеми скорого конца света, имело особое значение. Месса в Ключни отличалась повышенной торжественностью и в течение дня не прерывалась ни на секунду. Непрерывные молитвы, обращенные к Богу, черные одежды монахов, символизирующие отказ от всего мирского, небывало пышная обрядность – все это, особенно по мере приближения фатальной даты, привлекало в Ключни и формирующиеся вокруг него монастыри все большие мас-

сы людей. Постепенно в окрестностях Ключи складывается мощное объединение монастырей (в период расцвета ключнийского движения их число достигало трехсот), возглавлял которое аббат главного Ключийского монастыря, подчинявшийся непосредственно римскому первосвященнику.

Трапезная в монастыре

Борьба ключийцев за обновление церкви, которая в глазах тогдашнего общества была борьбой за первоначальные идеалы христианства, нашла самый живой отклик в сердцах миллионов прихожан. Резко возросший страх перед Господним гневом, как никогда усилившийся в конце X века, чрезвычайно обострил, к тому же, религиозные настроения масс. Церковь была единственным заступником за человека пе-

ред Творцом, и авторитет этого посредника между Богом и людьми, и прежде всего передового отряда – клюнийцев – стал быстро расти. Монашество, основательно подрастерявшее свой престиж во времена «темного столетия», вновь начало возвращать себе уважение паствы.

Но особенно вырос авторитет клюнийского братства после того, как минула роковая дата «тысячного» года. Ведь в глазах огромного большинства жителей Европы, от последнего нищего до императора Священной Империи, спасение мира от Страшного Суда и Божьей кары было несомненной заслугой клюнийских монахов, «отмоливших» род людской перед Богом. И это новое монашество дало первый толчок тому, что позже стали называть великой церковной реформой.

Клюнийское движение за обновление церкви было поддержано вскоре самыми разными силами: видными идеологами монашества, римским апостольским престолом, германским императором Генрихом III, а с середины XI века – и широким народно-демократическим движением. Это грандиозное по своим масштабам явление имело несколько главных целей, каждая из которых в тот или иной отрезок времени выходила на первый план. На первом этапе важнейшей задачей стала борьба против симонии, тесно связанного с ней «права частной церкви», и за так называемую «чистоту церкви» – то есть, против обмирщения духовенства, нарушения celibата и других католических канонов. Самый ост-

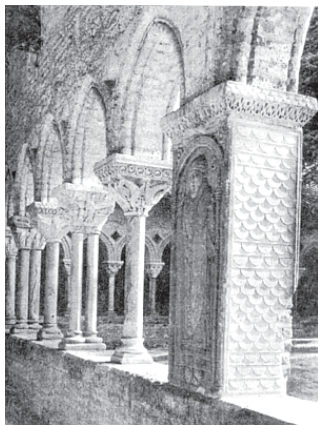
рый характер в новых исторических условиях приняла борьба против симонистских священников, а по существу, – против стоявших за ними светских владык, стремившихся, естественно, к сохранению «ручной», «карманной» церкви, находящейся у них в почти полном подчинении.

Одним из удивительных парадоксов данной эпохи, без сомнения, стала поддержка, оказанная монахам-новаторам Генрихом III – императором Священной Римской империи, а, следовательно, крупнейшим из феодалов того времени. Уже по самой природе своей власти обреченный быть главным симонистом, Генрих III неожиданно встает на сторону радикально настроенного духовенства. Этот весьма противоестественный (и кратковременный) союз, безусловно, во многом опирался на саму неординарную личность германского императора, чье несколько экстравагантное мировоззрение позволило ему уже тогда получить полушутливое, полусерьезное прозвище «король монахов». Но, вероятно, немалую роль в подобном решении императора сыграло желание главы светской власти, опершись на сильно возросший авторитет монашества, приструнить зарвавшихся местных баронов, считавших себя в своих вотчинах этими неподконтрольными никому царьками. Как бы то ни было, эта непредвиденная поддержка сыграла очень большую роль в развернувшихся вскоре событиях и позволила реформаторскому движению значительно укрепить политически и идеологически. Как раз в годы правления Генри-

ха III оформляются две главные группировки реформаторов: умеренная, главным идеологом которой стал итальянский монах Петр (Пьетро) Дамиани, и радикальная, возглавленная лотарингским монахом Гумбертом.

Петр Дамиани был суровым аскетом-отшельником, искренне преданным идеалам первоначального, «чистого» христианства. Обладая, несомненно, недюжинным ораторским даром, Дамиани вскоре собрал вокруг себя большое число последователей – как из числа монахов, так и из мирян. В своих проповедях Петр-отшельник гневно обрушивался на губительную для церкви практику симонии; немало доставалось от него и священнослужителям-перерожденцам, погрязшим в мирских грехах, и всемогущим светским феодалам. Однако, при всем том, очевидно понимая, что бороться с сим почти повсеместным злом не под силу отдельным отшельникам или даже целым монастырям, Дамиани сделал ставку на союз церкви с верховной имперской властью. Всячески возвеличивая пошатнувшийся авторитет папства, итальянский монах-оратор заговорил о потребности прочного союза между тронem и алтарем, о необходимости того, чтобы духовная власть наделяла светскую «святостью», а светская предоставляла бы духовной защиту. В политике Генриха III, благоволившего сторонникам борьбы с испорченностью церкви, Дамиани видел подтверждение правильности своих взглядов. Он не замечал явной ущербности такой позиции: ведь как бы Дамиани ни восхвалял сак-

сонскую династию императоров, нельзя было отрицать того факта, что «рыба гниет с головы» – и сам папа в те годы был саксонским ставленником, и многие аббаты и епископы получали власть в обителях и епархиях по соизволению императора. И все же вклад итальянского отшельника в дело церковной реформы трудно переоценить: он стал одним из первых, кто в изменившихся исторических условиях во весь голос призвал к защите священных идеалов христианства.

Аббатство Муассак, которое посетил Урбан II перед клермонской речью

Другим крупнейшим идеологом движения церковных реформаторов стал лотарингский⁷ монах Гумберт из Муай-

⁷ Лотарингия – область между Францией и Германией со смешанным фран-

ен-мутье. Его позиция совпадала с точкой зрения Дамиани в главном: скандальному торгу духовными местами должен быть положен конец. Однако признание необходимости этого было их единственной точкой соприкосновения; далее у двух духовных лидеров появлялись серьезные расхождения. В своем резком критическом памфлете «*Adversus simoniacos*» – «Против симонистов» (не будучи крупным оратором, Гумберт предпочел прославить себя на литературном поприще) – лотарингский монах яростно обрушивался на королевскую власть, являющуюся, по его мнению, главной виновницей униженного положения церкви. «Нужно желать французскому королю, – гневно восклицает Гумберт, – этому сыну ужаса, этому антихристу, новому Юлиану, скорейшего исчезновения, чтобы он не мог увековечить своих нечестивых дел и сажать на епископские, священнические и монастырские места своих любимцев-проходимцев». В глазах Гумберта даже такой «лучший» император, как Генрих III, должен попасть в ад, так как сам прибегает к симонии, назначая по своему усмотрению епископов и аббатов. Он тем самым становится соучастником всех мерзостей, характеризующих продажную и разлагающуюся церковь. «Кто товарищ воров и разбойников, тот и сам становится таковым», – вот жесткое и окончательное резюме неистового лотарингца.

Не останавливаясь на этом, Гумберт обрушивается и на сторонников Петра Дамиани. «Нет ничего общего между ко-

ролем и истинным представителем партии реформы, и ни о каком союзе между ними не может быть и речи», – утверждает Гумберт, явно направляя эти слова в адрес умеренных реформаторов. Всякое объединение короля (или императора) и священника – зло; усилия церкви должны быть в первую очередь направлены против всякого вторжения светской власти в самостоятельную церковную жизнь; руководство этим «Христовым даром» должно быть исключительно прерогативой апостольского престола во главе с папой римским. Этот важнейший вывод лотарингского Златоуста заводит его гораздо дальше своих предшественников, но вскоре он становится знаменем всех радикально настроенных реформаторов. Программа Гумберта встретила значительную поддержку и у священнослужителей, окружавших папский престол. Среди этого «околопапского» клира постепенно выделяется, а вскоре явно выдвигается на первый план монах Гильдебранд – бывший секретарь папы Григория VI, который впоследствии стал одним из величайших представителей апостольского престола и вошел в историю под именем Григория VII.

В разгар этой яростной полемики как-то незаметно и буднично произошло событие, имевшее огромное значение для всей последующей эпохи. В 1054 году папский легат⁸ в Константинополе, а им был, по странному совпадению, все тот

⁸ Легат – папский посол с высшими полномочиями. Более низкая ступень – нунций.

же Гумберт, предал анафеме⁹ и отлучил от церкви константинопольского патриарха Михаила Керулария и отбыл из восточной столицы. В ответ на это срочно собранный византийским императором церковный собор, в свою очередь, предал анафеме папских легатов, а в их лице и самого римского папу. Так началась Великая схизма (раскол), навсегда разделившая восточную и западную ветви христианства. Обе церкви продолжали претендовать на звание вселенской (католической – по латинскому произношению, кафедральной – по греческому). Впоследствии, видимо, чтобы избежать путаницы, за восточной церковью закрепилось наименование «православная» (ортодоксальная).

Во время всех этих событий неожиданно умирает император Генрих III. Ему наследует малолетний сын – будущий Генрих IV. В эти дни поднимают голову все противники саксонской монархии – как в Германии, так и вне ее. Крупнейшие германские феодалы весьма неохотно подчиняются регентше при юном германском короле (но не императоре – императорскую корону может возложить только папа), страну сотрясают раздоры, центральная власть приходит в упадок. В Италии события приобретают еще более серьезный оборот. Борьба продажного симонистского духовенства со сторонниками реформ из словесных стычек и взаимных проклятий переходит в фазу открытой войны. И здесь, впервые в истории средневековья, на авансцену выходит «господин

⁹ Анафема – церковное проклятие.

народ».

Особенно острый характер носят события в Милане, одном из богатейших европейских городов. Миланцы, уже давно выражавшие недовольство симонистским, погрязшим в грехах, духовенством, переходят от слов к делу. Во главе вспыхнувшего антисимонистского восстания стоят так называемые патарии («тряпичники»), предводительствует которыми пламенный монах-проповедник Ариальд. Патарии громят дома продажных священнослужителей, закрывают симонистские церкви, наконец, при поддержке большинства населения, изгоняют из города архиепископа со всей его свитой. Миланский первосвященник бежит в Рим, обращаясь с жалобой к папе. Но в то же самое время туда прибывают и представители патариев, с такой же жалобой на архиепископа и симонистское духовенство. Под давлением начальника своей канцелярии – а это все тот же небезызвестный Гумберт – и других лидеров радикального крыла реформы, папа принимает сторону патариев. Так в первый (и, кажется, единственный) раз в истории складывается союз апостольского престола и революционного народного движения. Патарии ликуют, симонистское духовенство в ужасе.

На самом пике происходящего внезапно уходит в мир иной папа Стефан II. Симонисты немедленно, с нарушением всех церковных канонов и при поддержке регентши Агнессы, избирают нового папу – Бенедикта X. И тут впервые во весь голос высказывается Гильдебранд. Он категори-

чески отвергает несправедливо избранного папу и ненавязчиво, но веско напоминает Агнессе, что императорская корона для ее сына Генриха находится пока что в его руках. Вслед за этим наскоро собравшиеся кардиналы выбирают вместо низложенного Бенедикта нового первосвященника, которым становится ставленник реформаторов Николай II. Сопоставив имеющиеся возможности, Агнесса примиряется с выбором Гильдебранда и его сторонников. Бенедикт X уходит в небытие и вскоре умирает в полной нищете в приюте для бедных. Партия реформы одерживает первую по-настоящему крупную победу.

Николай II в глазах патариев становится символом борьбы с симонией и продажностью духовенства. Он пользуется небывалой поддержкой римского населения, на его стороне активно выступает многочисленное монашество. Опираясь на эти социальные группы, новый первосвященник, при активном содействии Гильдебранда, Гумберта, епископа луккского Ансельма и других радикалов, приступает к осуществлению программы реформ. В папском дворце в Латеране собирается крупное совещание реформаторского духовенства (синод), получившее позднее название Латеранского собора. Через синод новый глава апостольской церкви проводит три важнейших декрета: об избрании папы исключительно коллегией кардиналов, без какого-либо участия императора; о запрещении симонии как несправедливого обычая, позорящего святую церковь; об отрешении от должности всех священ-

нослужителей, нарушающих целибат. Более того, Николай II не удовлетворился тем, что его декреты были санкционированы Латеранским собором, и потребовал от всех присутствовавших на нем клятвы в том, что они будут бороться с симонистами и женатыми священниками.

Постановления Латеранского собора были активно поддержаны патариями и их сторонниками: по городам Италии прокатилась целая волна народных выступлений против симонистов и «греховодников». Но эти же решения встретили яростное противодействие среди значительной части духовенства, привыкшего к светским наслаждениям и отстаивавшего, по его мнению, «истинные» основы христианства. На этот раз на стороне симонистов энергично выступила верховная светская власть в лице Агнессы и взрослеющего Генриха IV. В 1061 году недавно коронованный юный император отказался признать декреты Николая II и, созвав специальный синод в Базеле, объявил, что эти декреты не имеют силы, так как нарушают интересы императорской власти. Так началось противостояние папства и Империи, и никто не мог тогда предположить, что эта война будет с переменным успехом идти более шестидесяти лет и лишь в 1122 году закончится компромиссом в Вормсе. В ходе этого противостояния сторону папы примут нормандские рыцари, овладевшие к тому времени Южной Италией, и борьба выплеснется из стен соборов на поля сражений, собирая свою кровавую жатву.

В 1073 году Гильдебранд, долгие годы руководивший действиями апостольского престола из-за спины своих ставленников, решил, что, наконец, пришло его время. При огромной поддержке римского народа (кто мог знать тогда, что через десять с небольшим лет она обратится в столь же всенародную ненависть?), Гильдебранд избирается новым папой и принимает имя Григория VII. Имя это ко многому обязывает: ведь первым папой, носившим его, был Григорий Великий, доктор церкви, давно причисленный к лику святых и в известности соперничающий с крупнейшими христианскими деятелями всех времен. И бывший монах не посрамил своего нового имени – его понтификат¹⁰ остался в истории как один из наиболее ярких.

¹⁰ Понтификат – период правления конкретного папы на римском престоле.

Гефсиманский сад в Иерусалиме. Гравюра Г. Доре

Талантливый политик, самый яростный и последовательный проводник реформаторской линии в христианской церкви, он сразу взял быка за рога. Во всем послушный ему синод подтвердил обязательность для духовенства всех декретов, принятых Латеранским собором. Но Григорий VII пошел дальше. Он выдвинул программу небывалого усиления папской власти. Программа эта, именуемая еще «Папский диктат», определила всю политику апостольского престола на века вперед. Исключительная важность этого документа для понимания многих дальнейших событий, в том числе напрямую связанных с крестоносным движением, за-

ставляет привести здесь этот документ полностью:

«Папа начертал:

1. Римская церковь создана единым Богом.
2. Только Римский епископ по праву зовется вселенским.
3. Только он один может низлагать епископов и восстанавливать их.
4. Легат его на соборах занимает первое место пред всеми епископами, даже будучи в низших степенях (священства), и может приговаривать их к низложению.
5. Папа может низлагать отсутствующих.
6. С отлученными им не должно находиться в одном и том же доме.
7. Ему одному надлежит, смотря по надобности, издавать новые уставы, учреждать новые епархии, каноникаты превращать в аббатства и наоборот, богатую епархию делить, бедные соединять.
8. Он один вправе распоряжаться знаками императорского достоинства.
9. Одному папе все князья лобызают ноги.
10. Только его имя поминается в церквях.
11. Он один в мире именуется папой.
12. Он может низлагать императоров.
13. Он может, по мере надобности, перемещать епископов с кафедры на кафедру.
14. В любую церковь, куда угодно, он может ставить кли-

риков.

15. Поставленный папою может быть во главе какой-либо церкви, но не может быть в положении подчиненном; равно не может он принимать высшей степени от какого-либо епископа.

16. Ни один собор без его соизволения не может называться всеобщим.

17. Ни одно постановление, ни одна книга не могут быть признаны каноническими¹¹ без его санкции.

18. Никто не смеет отменить его решения, а он сам отменяет чьи угодно.

19. Никто ему не судья.

20. Никто не смеет привести в исполнение приговор надзывающим к папскому престолу.

21. Важные дела любой церкви должны восходить до него.

22. Римская церковь никогда не заблуждалась и впредь, по свидетельству Писания, не будет заблуждаться.

23. Римский епископ, канонически поставленный, заслугами св. Петра непреложно получает святость.

24. По его изволению и разрешению подвластные могут быть пожалованы.

25. Без собора он может низлагать и восстанавливать епископов.

26. Не считается католиком тот, кто не согласен с Римской

¹¹ Канонический – соответствующий католическому вероучению, входящий в церковный канон (закон).

церковью.

27. Он может освобождать подданных от присяги плохим владыкам».

«Диктат папы» вызвал мощное противодействие со стороны императорской власти. Теперь уже не шла речь о принятии или непринятии императорами реформистских декретов – авторитет папства вырос к этому времени настолько, что они быстро вводились явочным порядком. Но новый документ затронул самое святое для любой верховной власти – он поставил под сомнение ее владычество над обществом. Генрих IV никак не мог с этим смириться, и, до этого скрытая, с улыбочками и кинжалом за пазухой, борьба сразу вступила в фазу открытого неистовства и ярости. Историки обычно называют этот период временем борьбы за инвеституру, то есть за то, кто должен передавать полномочия епископам и прелатам – император или римский первосвященник. Но, несмотря на всю важность данного вопроса, за этой исступленной борьбой стояло нечто гораздо большее – высшая власть над всем христианским миром, и от итогов этого противостояния зависела история всей Европы.

Первую победу в этой войне одержал Григорий VII. Когда в 1076 году Генрих IV отверг притязания папы на инвеституру и на собранном им в Вормсе соборе (где присутствовало только подвластное императору германское духовенство) объявил о его низложении, бывший монах не остал-

ся в долгу. Григорий VII созвал в Риме собор французских и итальянских прелатов; опираясь на них, он отлучил короля от церкви, заявил о лишении его королевской власти над Италией и Германией и освободил всех его подданных от присяги на верность. Если император рассчитывал на поддержку немецких феодалов, то он жестоко просчитался. Будучи недовольными усилением имперской власти, и помня об угрозе возможного отлучения от церкви, германские магнаты отступились от своего сюзерена.

И гордый германский монарх, властелин половины католического мира, был сломлен. Генрих стал искать примирения с папой. В январе 1077 года он прибыл к замку маркграфини Тосканской Матильды – преданной сторонницы Григория VII (и, по слухам, его любовницы), где в это время находился папа. Лишь после трех дней неслыханного уничижения, когда император в рубище и босиком, под ледяным альпийским ветром, на снегу, терпеливо ждал папского решения, наместник Христа на земле сменил гнев на милость. Замок этот назывался Каносса, и с тех пор это слово стало нарицательным. Каносса стала чудовищным унижением светской верховной власти и величайшим триумфом в истории папства. Однако сохранить плоды этой огромной победы Григорий VII не сумел.

Получив прощение папы, Генрих IV довольно быстро навел порядок в Германии, сурово наказал отступников и покорелевски награждал тех, кто оставался ему верен. Когда

император вновь почувствовал себя сильным, он перешел в контратаку. Собранный им съезд германских епископов и прелатов снова низложил Григория VII и взамен него избрал папу-немца Климента III. После этого Генрих с войском двинулся на Италию. Григория VII поддерживали сицилийские норманны, но их действия в Риме, с которым они обошлись, как с завоеванным городом, настолько озлобили римское население, что Григорий был вынужден бежать от гнева горожан в норманнские владения, где вскоре и умер. Лишь в 1093 году новый апостольский глава – француз Урбан II – отвозил, наконец, Святой Город у лжепапы Климента III, который бежал в Германию. Именно с этого папы-француза и начинается история того, что через несколько столетий назовут «крестовыми походами в Святую Землю». Но об этом – особый разговор.

Глава 3

Исламский мир накануне крестовых походов

Пришло время окинуть взглядом другую часть обитаемого мира, а именно ту, которую принято называть миром ислама. В каком же состоянии находилась вторая сторона будущего великого противостояния двух цивилизаций? Здесь нам придется рассмотреть и некоторые принципы ислама, его исключительные особенности и непростую политическую и идеологическую ситуацию, сложившуюся в среде последователей Мухаммеда. Без понимания того, что представлял собой исламский мир во всем его многообразии, невозможно понять и историю крестовых походов. Конечно, как говаривал Козьма Прутков, «нельзя объять необъятное», поэтому основное внимание будет сосредоточено на тех мусульманских территориях, которые вскоре станут ареной непосредственного столкновения христианского и исламского мира, а также на тех политических и идеологических аспектах, которые в большей мере оказали влияние на весь ход последующих событий.

К концу XI века исламский мир являл собой неординарную, но величественную картину, в которой сочетались упадок и подъем, достижение великих духовных высот и нрав-

ственное одичание, высокое внутреннее единство и чудовищный калейдоскоп из мелких и мельчайших политических и религиозных образований. Мир приверженцев пророка Мухаммеда к этому времени расширился до гигантских размеров. От Атлантического океана на западе до верховьев Ганга и китайской Джунгарии на востоке; от земель Черной Африки на юге до половецких степей на севере – в исламский мир входило не менее половины тогдашней Ойкумены. Он включил в свою орбиту сотни народов, тысячи городов и общин, десятки миллионов людей, объединенных в восприятии и понимании сущего простой и яркой формулой: «Нет Бога, кроме Бога, и Мухаммед – пророк Бога». Эта *шахада* («исповедание веры») и была тем, что обеспечивало (и по сей день обеспечивает) духовное единство всех мусульман. Но простота этой формулы, цементирующей мир почитателей Пророка, наложенная на географическое, экономическое и культурное разнообразие мусульманских территорий, дала совершенно поразительные результаты. Единое, по существу, мировоззренческое содержание сопровождалось редкостным многообразием и, порой, даже экстравагантностью форм. Но без постижения этого феномена «единства в многообразии» невозможно понять и правильно интерпретировать те события, которые вскоре развернулись в горах Малой Азии и Леванта¹², на равнинах Сирии и Палестины. А

¹² Левантом назывался восточный берег Средиземного моря. Это имя сохранилось в названии современного Ливана.

для этого придется вернуться еще на несколько сот лет назад, к самым истокам ислама.

Исламская доктрина, если рассматривать ее самые базовые принципы, завещанные гениальным Мухаммедом, удивительно универсальна. Она основывается на Коране – священной книге всех мусульман, книге, замечательной во всех отношениях. Коран, вопреки устоявшемуся мнению, по сути своей не религиозное произведение. Это, если можно так выразиться, образ жизни. Религия и политика, экономика и право, общественная и частная жизнь, мир и война – все это включает в себя и сводит в единую систему Коран – запись пророческих откровений, произнесенных Мухаммедом между 610 и 632 годами. Эта всеохватность существенно отличает Коран от другой священной книги – Библии, особенно от ее христианской части – Нового Завета.

Однако Коран, как любое конечное произведение (но главным образом, в силу своей неоднозначности, позволяющей толкователям по-разному интерпретировать его суры и аяты¹³), открывает широкое поле деятельности для других идеологических форм регламентации жизни. Именно отсюда и берет свое начало тот феномен разноликости исламского мира, который так поражает и по сей день.

Первый раскол среди мусульман произошел уже через несколько десятилетий после смерти пророка. Это было

¹³ Сурами называются части, на которые делится Коран (всего их – 114); аяты – смысловые отрывки, из которых состоят суры.

разделение мусульманской общины на суннитов и шиитов. Толчком к происшедшему стали политические события второй половины VII века, связанные с именем халифа (заместителя Пророка) Али – приемного сына и зятя пророка Мухаммеда, женатого на его дочери Фатиме. Али, как ближайший родственник пророка, пользовался большим авторитетом среди мусульман, но против него активно действовал чрезвычайно влиятельный мекканский род Омейядов, из которого происходил, в частности, предшественник Али – халиф Осман, составивший, кстати, первую редакцию Корана. После гибели Османа в 656 году между сторонниками Али и приверженцами Омейядов вспыхнула гражданская война, в которой партия Али потерпела поражение, а сам халиф был убит. В 661 году представитель рода Омейядов Муавия объявил себя новым халифом. Однако разбитые последователи Али отказались признать это, считая, что халифом может являться только потомок пророка, то есть Али, а после него – его сыновья от Фатимы. Этих-то сторонников Али и его рода и стали называть шиитами (от «шиа» – «партия, сторонники», но это же можно перевести и как «отщепенцы, раскольники»). Шииты объявили Али первым *имамом* (дословно – «стоящий впереди»), титулом, вообще, чрезвычайно емким, включающим в себя и святость, и непогрешимость, и верховную власть, да и многое другое.

К политическим разногласиям вскоре добавились идеологические. Дело в том, что, еще до появления первой редак-

ции Корана при халифе Османе, среди значительной части мусульман большим уважением пользовалась Сунна (в переводе с арабского – «образец», «пример для подражания»), в то время представлявшая собой огромное количество устных рассказов о жизни пророка Мухаммеда, о его словах и делах. Впоследствии эти многочисленные *хадисы* составили необъятный письменный свод правил поведения, обязательных для каждого мусульманина. В традиционном исламе Коран и Сунна соотносятся примерно так же, как в христианстве Священное писание и Священное предание. Шииты – эти протестанты ислама – Сунну священной не признают, в отличие от мусульман-ортодоксов – суннитов.

Мусульманские монеты

Раскол на шиитов и суннитов оказался в исламе далеко не последним. Но если среди суннитов разногласия никогда не заходили слишком далеко (споры велись, в основном, о том, как следует понимать тот или иной хадис и принимать ли отдельные хадисы как подлинные), то у шиитов идеоло-

гические расхождения были значительно более серьезными. В VIII веке от общей массы шиитов откололась крупная религиозно-политическая (а в исламе, как уже было сказано, эти два понятия порой невозможно отделить друг от друга) группа исмаилитов. Впоследствии различные ответвления и секты исмаилитов сыграли весьма значительную роль в истории крестовых походов, так что на этом религиозном движении стоит остановиться чуть подробнее.

Поводом для нового раскола снова стал спор о «престолонаследии». Часть шиитов отказалась признать законность решения шестого шиитского имама Джафара, сделавшего своим преемником четвертого сына Мусу, а не своего внука от старшего сына Исмаила. Проблема состояла в том, что Исмаил умер незадолго до смерти отца, и его дети, по обычным понятиям того времени, потеряли право на наследование. Однако Исмаил при жизни Джафара пользовался огромным авторитетом в шиитской общине, и отстранение его потомков от имамата вызвало недовольство значительной ее части. Группа наиболее непримиримых провозгласила седьмым имамом, в противовес Мусе, Мухаммеда, сына Исмаила. По имени Исмаила, так и не ставшего имамом, это мятежное товарищество получило наименование исмаилитов.

Вскоре Мухаммед вынужден был бежать от преследований Мусы и суннитского халифа. Его дальнейшая судьба скрыта туманом, но известно, что он оставил после себя нескольких сыновей. Следы этих сыновей затерялись в ис-

тории, но не в людской памяти. И через несколько столетий среди исмаилитов то тут, то там появлялись очередные потомки Исмаила, объявлявшие себя имамами. Но большая часть исмаилитов верила в то, что очередной имам скрыт, и останется скрытым до конца веков, когда восстанет во славе и низвергнет всех своих противников. А группировка карматов, одна из самых радикальных в исламе, основываясь на священности числа «семь», вообще считала Мухаммеда-бен-Исмаила последним имамом и ожидала теперь явления седьмого пророка¹⁴, которого называли «махди» («спаситель, мессия»). От карматов вера в Махди перешла и во многие другие религиозные движения, а позже, в эпоху крестовых походов, махдизм сыграл немалую роль в исламском джихаде против крестоносцев.

¹⁴ Пятым был пророк Иса, т. е. Иисус, шестым – Мухаммед.

Цитадель Халеба (Алеппо)

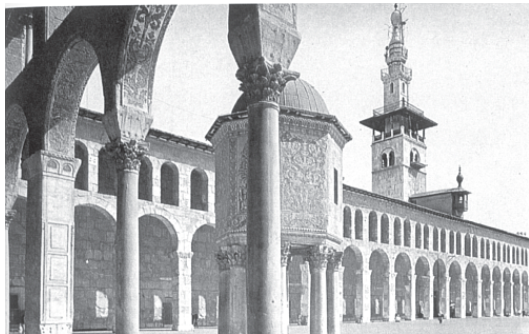
Исмаилиты, именуемые еще «семиричниками», в отличие от остальных шиитов – имамитов, признающих двенадцать имамов, начиная с Али – пользовались в исламском мире довольно большим влиянием. Хотя число активных исмаилитов было относительно невелико, у них всегда было очень много сторонников и сочувствующих, особенно среди простого народа. Этому способствовала и необычайная активность сотен исмаилитских проповедников, и привлекательность их лозунгов: всеобщее равенство перед Богом, возврат к общинному землепользованию и др. Под руководством исмаилитов в халифате неоднократно вспыхивали народные восстания, часть из которых заканчивалась успехом. Так, около двух веков, до самой эпохи крестовых походов, просуществовало карматское государство в Восточной Ара-

вии. А в начале X века проповедник-исмаилит Убайдуллах с помощью народного восстания захватил власть в Египте и объявил себя новым имамом и халифом (духовным главой) правоверных в противовес суннитскому халифу Багдада из династии Аббасидов. С него начинается история исмаилитского государства Фатимидов (от имени дочери пророка – Фатимы) в Египте. В период своего расцвета, незадолго до крестовых походов, Фатимиды владели большей частью Северной Африки, Палестиной и значительной долей Сирии.

Непрерывные религиозные споры, народные восстания и борьба за престолонаследие не могли не отразиться и на политических процессах в некогда едином халифате. Аббасиды, захватившие в 750 году власть в столице халифата – Дамаске – почти сразу столкнулись с серьезными проблемами. От них отпала Испания, где у власти оказались уцелевшие после аббасидской резни потомки Омейядов, а вслед за ней и почти вся Северная Африка. Опасаясь за свою безопасность, халифы перенесли столицу из географически уязвимого Дамаска в построенный ими и чрезвычайно укрепленный Багдад. Но власть уже уплывала из их рук. Основанная только на репрессиях и деспотизме, она крайне ослабла уже к середине IX века. А, начиная с X века, халифы были полностью отстранены от всякой светской власти своими военачальниками из династии Бундов и сохраняли только духовный авторитет. К концу этого века халифат окончательно рассыпался на отдельные государства.

Переходя к рассказу о ситуации, сложившейся в исламском мире в XI веке, то есть в эпоху, непосредственно предшествующую крестовым походам, стоит еще раз сказать, что и, казалось бы, непримиримые религиозные разногласия, и политическая раздробленность, по большому счету, не поколебали его глубинного внутреннего единства. Это шло еще от заветов Мухаммеда, от первой мусульманской общины – уммы, от признания всеми мусульманами святости Корана. Духовный раскол не мешал шиитам и суннитам быть добрыми соседями в исламских городах; персидские радикалы-исмаилиты скорее считали себя единым народом с суннитами-ортодоксами Средней Азии или Испании, чем с говорящими с ними на одном языке и живущими рядом персами-зороастрийцами¹⁵. Ислам был един и непримирим по отношению к язычеству. Несколько иным, более мягким, было отношение к «людям писания» – христианам и иудеям – которых в то время считали просто заблудшими, но не потерянными для истинной веры детьми. Это своеобразие мусульманского мировоззрения сыграло немалую роль как накануне, так и во время крестовых походов. Но об этом речь еще впереди.

¹⁵ Зороастризм – древняя персидская религия, в основе которой лежит почитание огня и вера в борьбу двух начал – доброго, олицетворяемого Ормуздом, и злого – персонифицированного в Аримане.

Мечеть Омейядов в Дамаске

Начало XI века ознаменовалось появлением на исламском небосклоне яркой звезды – Махмуда Газневи. Этот неукротимый воитель, совершивший двенадцать победоносных походов в языческую Индию и завладевший несметными сокровищами индийских храмов, прославил себя не только как создатель великой империи, простиравшейся от Евфрата до Ганга. Не меньшую известность и уважение потомков он приобрел как покровитель наук и искусств: при своем дворе он собирал ученых и поэтов, заботился о восстановлении старинной персидской культуры, проводил поэтические конкурсы на звание «царя поэтов». При этом грозном и справедливом монархе гением Фирдоуси была создана величайшая эпическая поэма средневековья «Шах-наме». Однако, и военные, и культурные успехи, достигнутые при этом действительно великом султани, оказались весьма непрочными.

Вскоре после смерти Махмуда Газневи созданная им империя пала под ударами кочевников, пришедших с севера – турок-сельджуков.

Название этого народа-завоевателя, изменившего всю политическую карту тогдашнего мусульманского мира, происходит от имени Сельджука – полуполюгендарного вождя одного из туркменских племен. История не сохранила описания его заслуг в деле объединения многочисленных кочевых орд, но известно, что первый тюркский султан Тогрул-бек был прямым потомком Сельджука – возможно, приходился ему сыном или внуком. Под руководством Тогрул-бека сельджуки и обрушились на империю Газневидов. В Данданеканской битве 1040 года войска Газневидской державы были разгромлены. Масуд, сын великого Махмуда, пал на поле боя, а Тогрул-бек был провозглашен султаном Ирана и Туркестана.

Но победоносные сельджукские армии отнюдь не удовлетворились ни этой великой победой, ни баснословными богатствами, захваченными ими у Газневидов. Тогрул-бек оказался не только хорошим полководцем, но и талантливым политиком и администратором. Ему удалось сплотить многочисленные разрозненные тюркские орды и создать из них крупное боеспособное войско, готовое к решению любых стратегических задач. Уже к середине XI века сельджуки завладели всем Ираном, и вышли к границам Византийской империи. Но, прежде чем начинать наступление на христианские твердыни, Тогрул-бек решил укрепить политический

и моральный авторитет своей власти. В 1055 году сотысячная армия сельджуков, почти не встречая сопротивления, вступает в столицу суннитского халифата – Багдад. Весьма примечательно, что Тогрул-беку удалось изобразить этот завоевательный поход как освободительный. Он объявил, что его армии пришли на помощь халифу правоверных, чтобы освободить наместника пророка от узурпаторской династии Бундов, отстранивших верховного владыку мусульман от власти. Таким образом, официально завоевание Багдада выглядело как сугубо легитимная¹⁶ акция, направленная на восстановление справедливости, возвращение власти халифу и наказание несправедливых чиновников и эмиров. Сам Тогрул-бек всячески подчеркивал свое уважение к повелителю правоверных и суннитской доктрине и выставлял напоказ свое подчиненное положение. Впрочем, это не могло обмануть никого, даже самого халифа Аль-Каима. Поуправившись для приличия, Аль-Каим вскоре выдал за Тогрул-Бека свою дочь и тем самым узаконил претензии новой династии на власть. Затем на пышной церемонии духовный владыка мусульман зачитал патент о назначении Тогрула своим заместителем по светской части, водрузил на его голову подряд две султанские короны – символ владычества над Востоком и Западом, и, немного погодя, удалился в свои покои, чтобы остаться там навсегда. Теперь сельджуки могли торжество-

¹⁶ Легитимная (от лат. *legitimus*) – законная, направленная на защиту законной власти, против узурпаторов.

вать — власть их вождя была освящена высшим духовным авторитетом исламского мира. Правда, Тогрул-бек недолго наслаждался своим триумфом: через несколько месяцев он скончался, не оставив потомства. Юная дочь халифа осталась бездетной вдовой, и мечта о соединении Сельджукской и Аббасидской династий рухнула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.